

сажены были сюда изъ Аравіи ранѣ рожденія Моисея, который уже засталъ на Синаѣ семьдесятъ стелеховъ финиковыхъ.

Сравниваю Фейранскую долину съ длинною горницею, въ которой потолокъ устроенъ изъ свѣтлосиняго стекла, стѣны обиты багряною тканью, а средина уставлена красивыми деревьями.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ДЕНЬ ВЪ ФАРАНѢ.

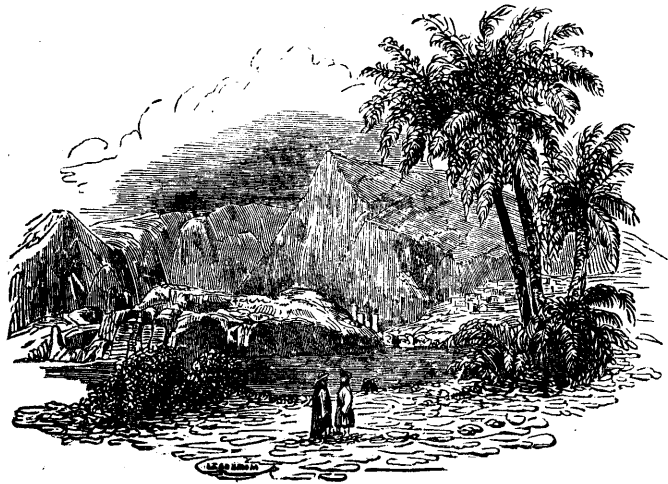
Въ десять часовъ стало жарко. Я омылся въ заводи, и пообѣдавъ, успокоился въ своей кущѣ. Послѣ полудня жаръ усилился. Но были минуты, въ кои съ горъ вѣялъ прохладный вѣтерокъ. При вѣяніи его я ощущалъ на себѣ токъ пламени, гонимый токомъ прохлады, и сравнилъ съ первымъ грѣхъ, а со вторымъ — благодать.

Въ четыре часа по полудни жаръ уменьшился. Любопытство побудило меня обозрѣть мѣстность и развалины города Фарана *).

Эти развалины лежатъ въ большой и ровной котловинѣ, которая образуетъ собою неправильный четверосторонникъ. Вся она обставлена высокими гранитными горами, но такъ что въ четырехъ углахъ ея есть выходы въ четыре долины, называемыя Алеатъ, Мара, и Фейранъ двойный.

*) Смотри планъ его на листѣ 38.

Въ срединѣ сей котловины одиноко стоитъ холмъ, покрытый развалинами. Онъ длинноватъ, но не широкъ и не высокъ. Восточная сторона его не завалена мусоромъ; и тутъ онъ видѣнъ, какъ отвѣсный утесъ. Не умѣю опредѣлить: изъ какого каменстаго раствора создана вся эта масса. Она разноцвѣтна, но такъ, что багряность и синева издали придаютъ ей отливъ вороненой стали. Ни гдѣ на Синаѣ среди долинъ я не видалъ подобной скалы. Предоставляю другимъ путешественникамъ опредѣлить происхождение и составъ холма, о которомъ идетъ рѣчь, а самъ спѣшу описать развалины.

На сѣверномъ краѣ этого холма стояла та святѣйшая церковь Фаранская, которой пресвитеръ Феона присутствовалъ на пятомъ вселенскомъ соборѣ, и при которой жили мѣстные епископы, Натіра, Макарій, Фотій, Теодоръ и прочіе. Это святилище разрушено. Размѣры его, сколько можно судить о нихъ по нижней части алтаря и по высотѣ и толщѣ нѣкоторыхъ кусковъ стѣнъ, были средніе. Въ немъ высились колонны, вытесанныя изъ Синайскаго песчаника. Но онѣ разбиты въ дребезги. Къ сѣверной сторонѣ сей церкви примыкало зданіе, отъ котораго остались два ряда полуразрушенныхъ стѣнъ. Полагаю, что тутъ жилъ мѣстный епископъ съ причтомъ своимъ. Южный край холма былъ застроенъ, вѣроятно, крещальнею и ризницею. Теперь тутъ видны остатки нѣсколькихъ башенокъ, или, вѣрнѣе, устоевъ расположенныхъ въ два ряда. Мнѣ кажется, что эти устои пристроены были къ холму для увеличенія длины его, и что на нихъ стояли сказанныя зданія. На всей западной линіи холма торчатъ остатки ограды, которая скрѣплена была четверосторонними столпами, или башенками. На восточной же линіи я не замѣтилъ никакой постройки. Или она раззорена до основанія, или вовсе не было ея. Послѣднѣе вѣроятнѣе. Ибо холмъ съ этой стороны отвѣсенъ; да и благоразуміе требовало открыть ее для свободнаго обращенія воздуха среди зданій, построенныхъ въ глубокой котловинѣ, и для удоб-

наго черпанія воды, протекавшей по жолобу съ этой стороны. На ровномъ тении холма была площадка. Вся она покрыта грудями кирпичей и глины. Какъ церковь и епископскій домъ, такъ и всѣ стѣны, башенки и устои складены были изъ кирпичей, выработанныхъ изъ желтой глины, которой весьма много въ окрестныхъ мѣстахъ.

Фаранская церковь называлась святѣйшею. Это чрезвычайное названіе, выраженное въ подписи пресвитера Θεоны подъ опредѣленіями пятаго вселенскаго собора, заставляетъ предполагать, что она построена была на священномъ мѣстѣ. Я думаю, что тутъ при потокѣ Моусей создалъ алтарь Господу послѣ побѣды надъ Амалекитами, одержанной въ сосѣднемъ Рафинѣ. (Исход. 17, 15, 16). Преданіе туземцовъ увѣковѣчило это событіе. Когда же они приняли крещеніе отъ аввы Моусея; естественно пожелали построить себѣ церковь тамъ, гдѣ стоялъ жертвенникъ, сооруженный Моусеємъ.

Къ западной сторонѣ Фаранскаго холма примыкала часть города. Но она такъ раззорена, что ничего не осталось кромѣ глины, мусору и не цѣлыхъ основаній нѣсколькихъ домовъ. Эти жилища людскія съ южной стороны защищены были кирпичною стѣною отъ разлива дождевой воды въ котловинѣ. Но эта стѣна, по всей вѣроятности, была низка. Ибо Фаранъ, по мѣстоположенію своему, укрѣпленному природою, не нуждался въ громаднхъ твер-

дыняхъ. Напротивъ, онѣ послужили бы къ большому усиленію зноя и удушья, кои и безъ нихъ изнуряютъ здѣсь человѣка.

У юго-западнаго угла котловины, близъ устья Уади Алеатъ, въ нижней части горы находится нѣсколько малыхъ пещеръ. Въ нихъ наваленъ щебень. Въ этомъ мѣстѣ Фараниты ломали и выпиливали гранитъ. Ибо тутъ замѣтны слѣды пилы.

У юго-восточнаго угла котловины на отлогомъ склонѣ горы находилась другая часть города. Тутъ нѣкоторые дома почти цѣлы, нѣкоторые полуразрушены, а остальные развалены. Всѣ они кое-какъ складены изъ дикихъ песчаниковыхъ камней съ примѣсью тесаныхъ. Размѣры ихъ малы. Каменные кровли на нихъ плоски. Наружныя двери: устроенныя въ лицевыхъ стѣнахъ ихъ, весьма узки и низки. Любопытство завлекло меня въ одинъ домъ. Какъ только я переступилъ за порогъ двери, очутился въ темной комнатѣ со сводомъ. Слабое мерцаніе свѣта, проникавшее туда чрезъ двери, помогло мнѣ увидѣть въ одной сторонѣ печь, въ которой пекли хлѣбъ, а въ другой каменную лѣстницу. По ней я взошелъ въ верхнюю горницу, освѣщенную чрезъ малое окно. Она вывершена сводомъ. Ничего въ ней нѣтъ. — За верхнею линіею домовъ стоитъ полуразрушенная церковь. Она складена частію изъ дикихъ, частію изъ тесанныхъ четверостороннихъ камней песчаниковаго свойства. Надъ западною дверію ея на длин-

номъ каменномъ косякѣ я замѣтилъ коптскую надпись и отподобилъ ее *). Въ первой строкѣ ея читается Греческое слово *χαρτι* (благодатию), а во второй *βάτω* (купина). Это послѣднее слово даетъ поводъ думать, что церковь была освящена во имя Божіей матери — неопалимыя купины. Она принадлежала Коптамъ. Стало быть, и въ сосѣднихъ съ нею домахъ жили эти же христіане. Замѣчательно, что всѣ эти дома складены изъ камней, а на вышеописанномъ холмѣ и около него всѣ зданія построены были изъ кирпичей. Это несходство въ зодчествѣ, кладкѣ и въ матеріалахъ Фаранскихъ построекъ, доказываетъ если не разность двухъ обитавшихъ здѣсь племенъ, то разное время и разное благосостояніе туземцовъ. Кирпичныя постройки производимы были въ тѣ вѣка, когда Фараниты, живя при пути обширной торговли Финикіянъ и Грековъ на Черномъ морѣ, получали прибыли отъ службы на купеческихъ корабляхъ. Благосостояніе ихъ начало клониться къ упадку подъ игомъ магометанъ съ 641 года по Р. Х., а въ тринадцатомъ вѣкѣ совсѣмъ исчезло. Въ 1146 году Нилъ Доксопатрій считалъ Фаранъ въ числѣ пяти митрополій Александрійскаго престола, не имѣвшихъ епископій; а въ грамотѣ Римскаго папы Григорія IX, данной Синайскому монастырю (1227 — 1241 годахъ) хотя и упо-

*) Смотри ее на листѣ 66.

мянуть сей городъ съ его землями и финиковыми садами, какъ достояніе церкви св. Маріи Синайской, но ни слова не сказано ни о жителяхъ его, ни о святѣйшей церкви ихъ. Значитъ, сія церковь и примыкавшія къ ней древнія зданія тогда лежали въ развалинахъ. Что касается той части Фарана, гдѣ жили Копты и имѣли свой храмъ; то уже самая отдѣльность ея и сохранность домовъ, не похожихъ на древнія кирпичныя постройки, доказываютъ, что эта часть возникла и покинута гораздо позднѣе. Вѣроятно, Египетское правительство поселило тутъ Коптовъ въ концѣ 12 или въ началѣ 13 вѣка вмѣсто православныхъ христіанъ и Франковъ, (т. е. крестоносцовъ) которыхъ раззоренныя жилища на окрестныхъ высотахъ указывали мнѣ мѣстные Бедуины. Но и Коптовъ постигла та же участь. Около 1445 года ихъ уже не было въ Фаранѣ. Тогда Бедуины окончательно опустошили и раззорили сей городъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется Арабскій писатель Маркизи, видѣвшій свѣжія развалины его около того же времени. Однако удивительно, что въ теченіи 400 лѣтъ нѣкоторые дома Коптовъ сохранились довольно хорошо.

Южная гора у Фаранской котловины почти отвѣсна, и потому не застроена. А на уступахъ, утесахъ, и въ одной тѣснинѣ противоположной ей возвышенности стоятъ большія и малыя зданія поврежденныя, какъ-то: мельница, башня, нѣсколько до-

миковъ, горницъ и храминъ съ тройными подклѣтями. Я входилъ въ подклѣтъ, что на равнинѣ у устья долины Мара, и, сколько можно было видѣть внутренность ея, полузаваленную землею, разсмо-

трѣлъ ее. Она состоитъ изъ трехъ узкихъ, длинныхъ, высокихъ и пустыхъ средостѣній (коридоровъ 1, 2, 3), кои углублены подъ всю горницу и со входа не имѣютъ дверей, а въ противоположныхъ концахъ преграждаются наглухо. Ихъ раздѣляютъ двѣ равнобедренныя стѣнки (a. b.) Эта подклѣтъ, очевидно, служила высокимъ основаніемъ горницы. Въмѣсто нижняго этажа построены четыре длинныя стѣнки съ промежутками, и на нихъ, какъ на подставкахъ, сооружено, такъ сказать, висячее жилище. Такой способъ постройки горницъ придуманъ по причинѣ крутости гранитной горы. Не хотѣли усѣкать ее и выравнивать мѣсто для жилья, и вздумали строить его на высокихъ и длинныхъ устояхъ. Для чего же оставлены пустыя средостѣнія между ними? Онѣ не могли служить стойлами для скота; ибо верблюды, боящіеся узкихъ воротъ и помѣщеній, не пошли бы въ нихъ, а для ословъ, овецъ и козъ устроили бы ихъ гораздо шире, да и съ дверями. Я воображалъ,

что въ одной изъ большихъ храминъ собирався городской совѣтъ, въ другой останавливались заѣзжіе люди, а въ меньшія горницы сходились Фараниты въ праздничные дни; подклѣти же служили убѣжищами отъ дневнаго зноя, — подъ Совѣтомъ, для людей, ходившихъ туда по дѣламъ своимъ, подъ прочими зданіями, для пришельцовъ и гражданъ, которые тутъ угощали другъ друга и бесѣдовали. Мнѣ представлялась мысль, что горницы съ подклѣтями были тоже, что Лесхи *) у Грековъ, съ тою разницею, что эти общественныя зданія въ Аѳинахъ, или въ Александріи, были росписаны и уставлены картинами знаменитыхъ живописцовъ, а здѣсь оштукатурены глиною и известью. «Въ столицѣ Синая, — воображалъ я, — былъ Совѣтъ (Βουλή), въ которомъ засѣдали Оведіаны и Магдоны. Значить, городское управленіе ея учреждено было по образцу Греческому. Да иначе и быть не могло. Ибо Синай болѣе девяти вѣковъ находился подъ владычествомъ Греко-Македонцовъ, Римлянъ и царей Византійскихъ. Фараниты, принявъ Греко-Римскій образъ управленія (муниципальный) и имѣя сношенія съ Греческими купцами Александріи, Раиѳы и Эльы, заимствовали

*) Лесхи (Λέσχη отъ глагола λέγω, говорю, бесѣдую) были мѣста общественныхъ собраній. Онѣ подробно описаны древнимъ Грекомъ Павзаніемъ. Обычай Русскихъ крестьянъ сходиться на бесѣдки, ихъ выраженіе, точить ясы, и слова, баясникъ, елесникъ, напоминаютъ Греческія Лесхи.

у нихъ и обычай собираться въ Лесхи для разглагольствія (*ἀδόλεσχ(α)* о дѣлахъ житейскихъ». Эти соображенія нравились мнѣ; и я отдыхая въ подклѣти, представлялъ въ умѣ своемъ: какъ Фараниты въ своихъ Лесхахъ вспоминали странствіе Израильтянъ, проѣздъ Идумейскаго царевича въ Египетъ чрезъ ихъ городъ, гибель торговаго флота Іудейскаго въ Еланитскомъ заливѣ, подвиги и чудеса Синайскихъ отшельниковъ, и проч. Но всѣ эти соображенія и умопредставленія мои ниспровержены были однимъ словомъ мѣстныхъ Бедуиновъ, которые на вопросъ мой, — кто строилъ горницы съ подклѣтками, — отвѣчали не обвинуясь: «ихъ строили Франки». Послѣ этого отвѣта я вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ, что эти зданія, построенныя изъ камней, а не изъ кирпичей, и не въ восточномъ вкусѣ, кажутся гораздо новѣе останковъ мѣстной церкви. Простое преданіе о нихъ Бедуиновъ подтверждалось существованіемъ Франкскаго кладбища, которое я видѣлъ на пути въ Синайскій монастырь. Нынѣшніе жители Фарана не вѣдали: кто эти Франки и когда тутъ жили. Но я догадывался, что этимъ городомъ не малое время владѣли крестоносцы. Догадка моя, за не имѣніемъ историческихъ свидѣтельствъ, подкрѣплялась необычною на востокъ постановкою Фаранскихъ храминъ, въ кои входили, какъ кажется, по подъемнымъ лѣстницамъ. Бедуины говорили мнѣ такъже, что на всѣхъ горахъ, коими окруженъ Фаранъ, нахо-

дятся малые дома, что на южную возвышенность устроенъ удобный ходъ къ нимъ изъ Уади Фейранъ, и что на западной горѣ, называемой Салаа, есть колонны, домъ и студенецъ. Я спрашивалъ этихъ скитальцовъ о долинѣ Алеатъ и о Зербалѣ, и слышалъ отъ нихъ вотъ что: «въ той долинѣ были хорошіе сады, и уцѣлѣли погребальныя пещеры христіанъ, а на трудномъ всходѣ на Зербалъ лежатъ развалины малаго монастыря Сигилле, подъ вершиною же сей горы изсѣчены малыя пещеры, въ коихъ на стѣнахъ начертано множество надписей, похожихъ на Мокадъ-Сеидна-Мусовскія, а на остромъ темени Зербала ничего нѣтъ, но тамъ въ старыя времена по ночамъ зажигали огонь для мореплавателей. Сказавъ это, Бедуины примолвили, что ночной огонь свѣтилъ кораблямъ и на горѣ Хаммамъ-Фараонъ». Разказъ ихъ воспламенилъ было во мнѣ желаніе осмотрѣть всѣ нагорныя жилища Фаранскія и взойти на Зербалъ. Но я долженъ былъ потушить сей пламень, дорожа временемъ, котораго не много оставалось для дальнѣйшаго странствія моего по Востоку.

Фаранскій потокъ съ полудня до пяти часовъ вечера не вытекаетъ изъ своей лунки; и русло его пересыхаетъ. Это я видѣлъ своими глазами. Въ полдень вода осталась только въ томъ искусственномъ прудкѣ, у котораго стояла моя куща, а въ верховьѣ и низовьѣ исчезла, къ вечеру же опять показалась.

Теченіе ея въ этотъ разъ простиралось только до восточной подошвы холма, покрытаго развалинами. Тутъ Бедуины скапливаютъ ее въ каменномъ жолобѣ и поливаютъ ею сосѣднія грядки, на которыхъ растутъ ячмень и табакъ. По словамъ ихъ отливъ и приливъ воды въ сказанные часы бываетъ ежедневно. Замѣчательный потокъ! Бережетъ свою влагу, чтобы она не испарялась въ знойное время! Какъ объяснить это явленіе? По видимому, оно имѣетъ связь съ приливомъ и отливомъ Чермнаго моря, кои происходятъ въ тѣ же часы. Но источникъ Фаранскій выше уровня сего моря нѣсколькими тысячами футовъ. Почему же на такой высотѣ онъ перестаетъ течь въ то самое время, когда бываетъ отливъ моря? Ужели онъ бьетъ вверхъ изъ глубины равной дну морскому? И если такъ, то какимъ образомъ повышение и пониженіе воды его зависитъ отъ подобныхъ движеній Чермной пучины? Фаранская мѣстность и Зербаль не находятся ли на переломѣ земнаго шара? и тамошній источникъ не вытекаетъ ли изъ трещины, которая отъ движенія земли сжимается и раскрывается въ часы отлива и прилива морскаго? Не знаю, и не могу отвѣчать на вопросы: «пришелъ ли еси на источники моря; въ слѣдахъ же бездны ходилъ ли еси; кто уготова дождю веліе проліяніе, одождити пустыню, идѣже челоуѣка нѣсть въ ней, насытити непроходиму и ненаселенну, и прозябнутъ исходъ злака; (Іов. глав. 38). Тотъ, кто видѣлъ,

какъ нѣкогда разлилась земля, яко прахъ, и кто спаялъ ее, аки каменемъ, на четыре углы (ст. 38), тотъ одинъ вѣдаетъ сокровенные пути источниковъ. Фаранскіе Бедуины говорили мнѣ, что потокъ, напаяющій вертограды ихъ, течетъ подъ землею отъ Синайскаго монастыря. Но воображеніе этихъ скитальцовъ, какъ я извѣдалъ оное, подобно увеличительному стеклу.

Еще одно слово! Фаранскія Бедуинки украшаютъ свою голову такъ же, какъ и прочія Синаитянки. Онѣ заплетаютъ двѣ косы, и стянувъ ихъ на чело, связываютъ ихъ тутъ въ узелъ и втыкаютъ въ него булавку съ коралловою головкою, а подъ косы надъ челомъ прицѣпляютъ большую перламутровую раковину для защиты лица отъ солнца. Увидѣвъ такой головной уборъ, я вспомнилъ латинскую поговорку, *est modus in gebus*, и думалъ, что мода есть только наилучшій способъ одѣваться сообразно съ климатомъ для сбереженія здоровья и благообразія тѣла. Въ такомъ смыслѣ она похвальна. Когда же придумываютъ и вводятъ моду въ противность климату, для красоты, а не для здоровья, съ разными умыслами самолюбія, съ потерею самоуваженія, и изъ подражанія другимъ; то поступаютъ безразсудно и грѣшатъ тяжко, вредя себѣ самимъ. «Таковымъ сія глаголетъ господь: понеже вознесошася дщери Сіони и ходиша высокою выею, и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущыя долу, и

ногама купно играющыя. И смиритъ господь начальныя дщери Сіони, и господь открыеть срамоту ихъ въ день онъ, и отъиметь господь славу ризъ ихъ, и вплетенія злата на главѣ, и тресны ризныя и лѣницы гривенныя, и срачицы тонкія, и красоту лица ихъ, и состроеніе красы славныя, и перстни и запястія, и художныя усерязи, и багряницы, и свѣтлая Лаконская и вуссоны и синеты и червленицы, и вуссонъ со златомъ и синетою претѣканы, и тончіцы преиманы златомъ: и будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ (веревкою) препояшешися, и вмѣсто украшенія златаго на главѣ плѣшь имѣти будеши дѣлъ твоихъ ради, и вмѣсто ризы багрянныя препояшешися вретичемъ: И сынъ твой добрѣйшій, его же любиши, мечемъ падеть, и крѣпцыи ваши мечемъ падутъ, и смирятся: и восплачутся хранилища утварей вашихъ, и останешися едина, и о землю ударена будеши.» (Исаиі 3, 16 — 25).
Страшная угроза Божія дщерамъ Сіона, играющимъ ногами и любящимъ чужестранные дорогіе наряды!

Заключаю описаніе Фарана. Сей городъ, построенный Амалекитами вскорѣ по отшествіи Израильтянъ съ Синая (1454 г.), принявшій въ свои храмины злополучнаго Идумейскаго царевича Адера въ царствованіе Давида, озаренный свѣтомъ истины въ половинѣ четвертаго вѣка христіанскаго, духовно управляемый епископами, возобновленный крестносцами, разрушенный Бедуинами (1445 г.), сей

городъ, на высотахъ пусть, а въ юдоли разбить въ дребезги. Потокъ же его струится вѣковѣчно. Такъ, человекъ испытавъ горе и радости въ наземной жизни своей обращается въ прахъ, а душа его существуетъ вѣчно.